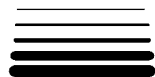

ВЛАСТЬ И КУЛЬТУРА

Философия властвования

КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ*

Н. И. ВОРОНИНА

Введение. Россия – страна провинций. Русская провинциальность – это своеобразный феномен, это духовная субстанция, это мощный потенциал культуры. Российская провинция достойна изучения. Она дала миру несметное количество звезд в науке и искусстве. Она породила уникальное биоэкономическое явление – село, город, усадьбу, монастырь – с взаимопроникающими связями разнонациональных культур.

И, тем не менее, российская провинция понесла и самые большие потери. Повсеместная гибель русских усадеб с их неповторимым обликом и судьбой – одна из тяжелых трагедий русской культуры. Статистики этих потерь нет. Политический миф о второстепенности всего провинциального – науки, искусства, образа жизни – привел к разорению и вывозу в столицу в XX в. уникальных икон (северных и среднерусских), драгоценных камней с Урала, палехских работ, хохломских изделий, перемещению талантливых певцов, танцоров, архитекторов, спортсменов в столицу. И тем самым лишая провинцию особого духовного импульса, ее самобытных этических, эстетических, гражданственных основ, ее универсальных гуманистических традиций.

Сегодня ясно, что мировая культура немислима без провинциальной культуры, так же как Россию XXI в. невозможно представить вне провинции. Чтобы понять российского человека – недостаточно оценивать только столичный менталитет. Российская культура прирастает провинцией, питается ею, завоевывает умы, синтезируя социальность и гуманизм в биосоциальной природе человека, при том, что термин «провинция» в лексиконе российской культуры нагружен целым спектром отрицательных значений. С одной стороны, это официальное «признание» вторичности, второсортности, отдаленности от центров культуры. С другой же, – «негативное переживание»¹ самого провинциального существования на границе между культурой и ее отсутствием.

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Культура и власть», грант № 12-03-00095.

Отметим, что это результат отсутствия *положительной* культурной политики и наличие *отрицательной*. Ибо не может быть, чтобы напористая вестернизация духовной жизни России осуществлялась «сама собой» как результат действия отдельных лиц и организаций. Американизация телевидения и радио, киноэкрана, книгоиздательской деятельности, образования, языка, одежды скорее всего направлена на то, чтобы преодолеть в россиянине носителя национальной культурной традиции, устранить духовные и психологические препятствия капитализации страны и многое др. И поэтому речь может идти как о кризисе культуры, так и о возрождении или, точнее, о модернизации культуры (именно модернизация предполагает изживание этих болезненных процессов).

Социальный кризис и культурная политика. Культурный кризис – понятие историческое. Проверяя его историей, сравнивая нынешнюю эпоху с предшествующими можно придать этому понятию определенную объективную форму. Ибо известны не только обстоятельства возникновения и развития культурных кризисов прошлого, но также и завершающая стадия, исход этих кризисов. Хотя, конечно, такого рода историческое вскрытие прошлого и не всегда дает рецепты для лечения настоящего, не всегда дает и прогноз, однако игнорировать опыт прошлого было бы неразумно.

Так, М.С. Каган отмечал, что «обнаружение переходных фаз в историческом процессе позволяет, во-первых, с предельной наглядностью выявить динамизм развития и его направленность, его внутреннюю логику, во-вторых, данные этапы исторического движения интереснее тем, что отличаются особой сложностью: сравнительно с однозначными качественно-определенными стадиями переходные фазы двузначны, внутренне противоречивы и синтетичны, амбивалентны и диалогичны»², в них одновременно присутствует и прошлое, и будущее, причем то в остром противоборстве, то в причудливых, «противоестественных» сочетаниях, то в удивительных, тяготеющих к гармонии синтезах.

В провинции культурная политика также представляет собой систему взаимосвязанных целей, практических задач и средств, избранных и направленных на определенную группу – этнос, субэтноты, либо малые города, районы, села. Культурная политика может осуществляться в рамках объединения, партии, образовательного движения, организации, предприятия, города, правительства. Но независимо от субъекта политики она предполагает «существование долгосрочных целей, измеряемых задач и средств (человеческих ресурсов, финансов и законодательной базы), объединенных в чрезвычайно сложную систему»³.

Культурная политика предполагает действия по материально-техническому и творческому обеспечению функционирования куль-

туры, наличие которого в провинции в разы отличается от центров и мегаполисов. Распределение ресурсов, как финансовых, так и административных, структурных, человеческих и творческих происходит неравномерно и планирование в провинции также отличается своими масштабами, хотя и представляет собой процесс подготовки государства к участию в культурной деятельности провинции.

Это позволяет констатировать наличие определенного разрыва между, во-первых, определениями культурной политики, даваемыми культурологами-теоретиками и теми, кто решает задачи реального управления в сфере культуры; во-вторых, разделяет эти процессы на столичные и провинциальные.

«Нельзя отрицать, что центры всегда и везде жили более или менее заимствованной жизнью... не сами создавали свою силу, а при помощи того материала и тех рабочих сил, как в физическом, так и в духовном смысле, которые к ним приливали больше извне, из "глуши", из "Саратова". И Вавилон, и Ниневия, и Афины, и Рим — все эти города-чудовища питались соками своих провинций, и когда эти соки иссякли, иссякла и жизнь самих чудовищ... Поэтому лишь при известном равновесии между центрами и провинцией возможна жизнь и тех, и других, и развитие или упадок последних неизбежно должны отражаться самым роковым образом на первых», — констатировал нижегородский историк А.С. Гацисский⁴.

Отметим, что постиндустриальная экономика — экономика переживаний и впечатлений, экономика творчества, и заметно, что под влиянием научно-технической революции и повышения уровня жизни постиндустриальные страны перешли от преимущественного производства товаров к производству услуг. Основные ресурсы, обеспечивающие благополучие стран, территорий и городов — информация, знания и творческая способность, т.е. способность порождать новое. Это требует работы на опережение, вхождения территории в постиндустриальное завтра. Между тем в России культурное поле остается узким, консервативным и в значительной мере идеологизированным, и этим объясняется «сопротивление» не только культурным, но и другим изменениям — политическим, экономическим, социальным.

Тем не менее, «сознание определяет бытие никак не меньше, чем бытие определяет сознание. Без высокой культуры невозможна сильная экономика. Одна из важнейших причин нынешнего кризиса — многолетнее «выпалывание» плодоносных культур и торжество сорняка. Рекультивация сегодня также необходима, как экономические реформы. Требуется кардинальный пересмотр отношения к человеческой сокровенности, субъективности, к вестничеству, визионерству, к идеализму, декаденству, модернизму, ибо, как выясняется, между количеством хлеба и стихами Малларме или джойсизмами существует отнюдь не мистическая связь»⁵.

Соглашаясь с И.И. Гариным, отметим, что исходное условие разработки политики в сфере культуры – это достижение понимания между официальными, творческими, общественными силами в отношении приоритетности целей культурного развития. Культурная политика является сознательным регулированием в области культуры при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом.

Необходимым условием выработки культурной политики является наличие политического пространства. Это не политика как сфера управления государством и его регионами, а политика как дискуссионная среда (*пространство дискуссий*), в которой разные социальные группы в столицах и провинциях могут представлять, обсуждать и согласовывать свои интересы, порою конфликтующие друг с другом. Культурная политика должна быть предметом общественного обсуждения, критики и поправок. Появление оппонентов и учет их мнения и есть то, что делает реализацию социально-культурной программы *культурной политикой* в целом в стране, а также в каждом субъекте государства.

Одна из острейших проблем – несоответствие системы расселения и пространственного развития актуальным задачам инновационного развития. Россия – централизованная страна, где все финансовые, транспортные, миграционные и культурные потоки стягиваются в Москву (в меньшей степени – в Санкт-Петербург). Причина этого не только в том, что так устроена транспортная или финансовая система. Централизация обусловлена системой государственного управления, которая неуклонно стремится к выводу из-под влияния региональных властей экономически успешных секторов (промышленность и добыча полезных ископаемых, даже ведущие образовательные учреждения). В результате в руках регионов остаются наиболее проблемные сектора (социальная сфера, культура) и не накапливается достаточных ресурсов для развития.

Все эти факторы приводят к катастрофическому «вымыванию» человеческих ресурсов, вплоть до «обезлюживания» отдельных территорий. Категория *субъекта культурной политики* в предлагаемых определениях или отсутствует, или присутствует неявно. Однако чем в большей степени расширяется субъектное поле культурной политики, тем более значительную роль в ней начинает играть субъект или актор. Это предполагает необходимость выработки в перспективе такой категории культурной политики, где субъектная составляющая была бы представлена развернуто. Шаг более чем оправданный – в других сферах научного знания (социология, психология, политология и др.) разработка категории субъекта (актора) идет интенсивно и дает позитивные результаты.

Саранск – как субъект культурной политики. Возьмем для примера Саранск – столицу Республики Мордовия, по сути, провинциальный город, а по содержанию университетский, с богатыми традициями естественнонаучного, инженерного и гуманитарного образования. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева получил статус национального исследовательского университета (НИУ). Пользуется авторитетом саранская культурологическая школа Н.И. Ворониной, социологическая А.И. Сухарева и политологическая Д.В. Доленко, а также работы их представителей в области провинциальной, этнической и региональной культуры и политики. Такого рода исследования создают предпосылки для выбора устойчивого «регионоцентричного» пути для Республики Мордовия. Сегодня это особенно важно в формировании «республиканской идентичности» в связи с существенным оттоком населения из Мордовии.

Как научно-исследовательский центр, Мордовский университет сегодня является ведущим в двух перспективных направлениях: ПНР1 – нанотехнологии, связанные с прорывом в светотехнической, полупроводниковой и оптоволоконной промышленности и ПНР2 – гуманитарное, связанное с исследованиями традиций и инноваций в финно-угорской культуре.

Мордовия связана с именами Степана Эрзы, Михаила Бахтина, Иллариона Яшуева и других выдающихся деятелей культуры и науки. В Саранске работают ведущие культурные центры, сохраняющие и популяризирующие наследие – Мордовский театр оперы и балета им. И.М. Яшуева, Музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрзы, Институт национальной культуры, этнографический музей народного мордовского искусства и другие. Открыты центры и подворья русской, мокшанской и эрзянской культуры. И, тем не менее, все это редко становится достоянием россиян, в большинстве своем пока еще закрыто и для активного международного общения.

В последние годы провинциальный Саранск стал спортивной столицей, создав идеальные условия для именитой, международного класса, школы спортивной ходьбы В.М. Чегина, для развития биатлона, тяжелой атлетики и фигурного катания. Построены Центр Олимпийской подготовки, биатлонный центр, десятки ледовых и водных дворцов, множество ФОКов. Этот «спортивный ландшафт», безусловно, является фактором продуманной культурной политики Правительства республики, заботой о здоровом образе жизни населения (не только о спортивных достижениях, которые реально растут с каждым годом).

Тем не менее, для изменения ситуации в культуре недостаточно развития физической инфраструктуры, на создание которой могут уйти десятилетия и сотни миллиардов долларов. «Решение должно быть найдено в области развития так называемых мягких инфраструктур: нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды, современных гуманитарных технологий, малого предпринимательства, инноваций в культуре и образовании, а также реализации крупных культурных проектов, позволяющих одновременно повысить уровень «капитализации» региона на глобальном рынке, в

том числе недвижимости и культурно-бытовых ландшафтов. Региональное развитие должно идти в ногу с культурной и образовательной политикой», – так очень верно определено в «Концепции культурной политики Пермского края»⁶.

В этом плане Саранск за последние пять лет изменился до неузнаваемости. В инфраструктуре города появились значительные градообразующие объекты: величественные храмы, здания двух театров и филармонии, новые площади с фонтанами, монументальная, городская и парковая скульптура, набережная реки Саранки, множество новых скверов, парков и многое другое. Современная городская среда форматируется под разные группы интересов (дети, молодежь, семья, пожилые люди). А любая коммуникационная площадка – это всегда сфера культурного креатива. Современная комфортная среда обитания – это практичность, эстетика и экология. Участие дизайнеров и архитекторов в создании жилья нового типа делает городскую среду более антропоцентричной. Новые арт-объекты обогащают визуальное пространство и расширяют пространство смысловое и символическое.

Активно развивается и инфраструктура внутригородского туризма, которая обеспечивает жителям республики доступ к разнообразным и разноплановым событиям, происходящим в Саранске.

Идентификация провинциальной культуры. Как видим, намечается ясная тенденция реабилитации культурной роли провинции, «явно обозначается поворот сознания к местной, локальной культуре, генетической основе всех русских культурных традиций, ни в коей мере не отменявшей единства русской культуры как целого»⁷. Поэтому полиэтничность и переплетение культур в провинции становятся не только смыслопорождающей деятельностью в регионе, поиском культурной идентичности, типов деятельности и форм креативности, но иногда и создает большие трудности в совместимости различных традиций и верований.

Таким образом, социальный кризис обернулся для россиян и кризисом идентичности. Поэтому сложившаяся в российском обществе сложная ролевая и статусная диспозиция актуализирует проблему *различения*, так как решение каждодневных обыденных ситуаций и успешная коммуникация индивидов требуют, с одной стороны, узнавания субъектами друг друга, а с другой – корректного отграничения «своих» от «чужих».

Процесс идентификации индивидов с новым жизненным стилем происходит не так, как складывается идеальная теоретическая модель стиля. Это скорее процесс, осуществляемый по обратному «сценарию». С одной стороны, происходит «превращение», развертывание стиля жизни из теоретической модели («свободнопарящей» формы) в реальный (практический) способ самовыражения индивида. С другой стороны, индивид всячески стремится преодолеть свое ны-

нешнее неопределенное положение, осваивая выбранный им новый стиль жизни. Осознав свою роль и место, занимаемое им в системе социальной иерархии, индивид, как правило, выбирает стиль, соответствующий своему социальному статусу.

Сначала происходит освоение *внешних признаков* идентификации (поведение, одежда, лексика...). Потом, в результате освоения индивидом той или иной теории, нередко даже научной, в обыденной жизни рождается то, что в социологии повседневности получило название «*повседневных теорий*». Обычно это некоторая совокупность высказываний, иногда даже просто носящих характер предрассудков — представлений о человеке, о мире или о какой-то его части, которые могут даже не быть выраженными прямо в систематической форме.

Процесс идентификации заканчивается оформлением нового, соответствующего данному стилю, данной культуре, образу жизни. Внешняя индикация индивида, его новая «жизненная философия» врывается во все сферы жизнедеятельности человека: нестандартно строить или обустраивать свое жилище, по-другому относиться к своему здоровью, иначе питаться и отдыхать — все это становится не просто возможным, но необходимым благодаря особенному и характерному мироощущению и миропониманию, а не требованиям престижа, имиджа, веяниям моды.

Итак, в России в начале XXI в. продолжается реальный переходный период, в котором остро ощущается кризис культуры и идентичности. Под воздействием социально-экономических и политических катаклизмов образ человека расшатывается, размывается, разрушается ежечасно: происходят изменения на всех уровнях и сферах повседневного бытия как в столице, так и в провинции: во взаимоотношениях с ближайшим и дальним окружением, в самоопределении индивидов в жизненном пространстве, в семье, в культуре, образовании, информационных технологиях, языке и речи, рекламе и т.д.

Но именно в это время складывается новая школа — воспитание «человека культуры» требует не только и не просто образования, но и вхождения в мир культуры, т.е. образование рассматривается как творческий акт (гуманизирующий, гуманитарный, человекообразующий подход), составляющим которого является стремление к междисциплинарному синтезу науки, образования и культуры, к целостной модели развивающейся личности (психологический, социальный и культурный уровни). При этом культурный тип — это многомерная личность с «диалогом разных культур, разных сознаний» (М.М.Бахтин).

Метод бахтинского диалога, таким образом, становится основой технологических идей школы воспитания «человека культуры». Но не он один, поскольку знак современного времени — в полезном

знании, которое принесет экономическую выгоду с наименьшей затратой времени и сил. Значит, современный человек – это прагматик и романтик, художник и предприниматель, эстетик и практик, т.е. конкурентноспособный.

Заключение

Еще раз подчеркнем – *современная социокультурная ситуация* в стране достаточно сложна. Без активной государственной поддержки разрушается материальная база культуры, закрываются культурно-просветительские учреждения, сокращается прием в государственные вузы, на «голодном пайке» сидят многие НИИ и т.д. Идет не только стихийное (через кинопродукцию и т.п. каналы), но и вполне сознательное (через спонсорскую помощь, обучение наших студентов за рубежом и т.д.) освоение российского интеллектуального пространства западной культурой.

Равномерное развитие провинциальной культуры долгое время оставалось естественным явлением. И сегодня политика в области культуры еще не оставила своих худших привычек. Бесперывное возвышение, «история сплошных успехов» может быть только в центре, ибо центр постоянно вбирает, «высасывает из провинции все лучшее». Конечно, это пагубно для провинции, и в связи с этим нельзя не отметить те новые тенденции, которые появились в культурной политике локальных территорий. Это выявление специфических черт («сияний») местной культуры и помещение их в общую гору российского многообразия и выделение черт, присущих провинции как центру разнообразных культурных явлений, к которому тяготеют собственные провинции (Пермь как центр российского балета, Суздаль – как уникальное пространство храмовой архитектуры, Палех, Жостово, Гжель, Вологда, Оренбург, Архангельск и многие другие – центры художественных промыслов, Казань – светомузыки, Екатеринбург – русской эстетики и т.д.). Так большая река образуется из отдельных небольших протоков, вливается в один общерусский культурный процесс, который направляется общероссийской культурной политикой.

Сегодня мы переходим к формированию основы иной культуры и иной культурной политики, направленной не на создание готовых продуктов и услуг, а на запуск процессов, актуализирующих культурные ресурсы самих территорий – как способ поиска человеческой идентичности и формирования своего особого образа и стиля жизни на территории России. Подчеркну особо, что в основе организации подобной культурной политики стоит человек как ее создатель, актер, исполнитель, хранитель и питомец. Он создает историко-культурный ландшафт провинциального города, села, района, местности, насыщает его культурно-историческим воздухом, хранит его и передает

последующим поколениям. И именно подобная деятельность человека является сердцевинной и сутью культуры, открывающей горизонты для динамичной и выверенной культурной политики в пространстве провинции и всей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Скоробагацкий В.В.* Провинция как феномен русской культуры // Социемы. 1994. № 3 (Екатеринбург). – С. 38.

² *Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание // *Каган М.С.* Избр. статьи. – Л., 1991. – С. 180 – 181.

³ *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири. – URL: <http://referat.atlant.ws/?cm=6101>

⁴ *Гацисский А.С.* Печать в провинции // Дело. 1875. № 9. – С. 50 – 53.

⁵ *Гарин И.И.* Вступление // Поэты и пророки. В 7 т. Т. 2. – М., 1992. – С. 5.

⁶ Концепция культурной политики Пермского края. Пермский проект. – URL: http://vsesvoi.ru/data/addons/Konsept-Perm-20_09_2010.pdf. – С. 7.

⁷ *Girard A., Gentil G.* Cultural Development: experiences and policies. 2 ed. (Paris: UNESCO, 1983). – P. 171 – 172. Цит. по: *Периль Б.* Исполнительские искусства в США // Экология культуры: Информационный бюллетень (Архангельск). 2003. № 2 (30).

Аннотация

В статье рассматриваются основные понятия, связанные с культурной политикой в провинции, а также проблемы достижения согласия между официальными, творческими, общественными силами в отношении приоритетности целей культурного развития в пространстве России. «Полиэтничность» и «переплетение культур» в провинции становятся смыслопорождающей деятельностью в регионе, поиском культурной идентичности, типов деятельности и форм креативности. В данном ракурсе материал статьи новый.

Ключевые слова: культура, политика, провинция, пространство, власть, субъект культурной политики, этнос, личность.

Summary

The main notions connected with cultural provincial policy and also aspects leading to agreement between official, artistic and social powers in respect of cultural development goals priority in Russia space are considered in the article. «Polyethnics» and «cultures interweaving» in province have become the sense giving activity in the region, the search for cultural identity, the types of activity and creativity forms. From this point of view the article information is new.

Keywords: culture, policy, province, space, power, cultural policy subject, ethnic, personality.